

люди, одним словом, конечные потребители политической деятельности государства и монарха, тогда как «народ» является активным действующим лицом этой деятельности.

Как видим, народ играл важнейшую роль в институциональной жизни как Древней Руси, так и ранней Российской империи. Состав этого «органа» эволюционировал: сначала данное понятие включало в себя только глав знатных родов, живших в городах-крепостях. Они принимали решения по важным вопросам, ключевым из которых был выбор князя. Затем это понятие расширилось: «город» царя («царствующий град Москвы») распространил своё влияние на другие города и стал выбирать государя страны, хранимой Господом и управляемой тем, кого он укажет. Со временем это указание стало определяться не первородством в доме царствующей фамилии, а тем, что Бог нашепчет «в тишине, трепете и страхе» «мудрым людям», происходящим из разных городов, чьи обитатели все являются частью «народа» России.

Идея о том, что народ имеет право выбирать себе царя, продолжала быть актуальной и в XVIII в., вплоть до восхождения на престол Анны Иоанновны, которую её придворные называли царицей, «желанной своим народом» (хотя вообще идея воли народа после Собора 1613 г. превратилась скорее в идеологический конструкт). Идея народа приобретает тем самым «учредительную» роль в конституциональной истории России и показывает, как традиция передачи власти по наследству в богоизбранной династии заменяется ситуацией, когда Божья воля нуждается в посреднике (если династическая «логика» помочь не может). В этих случаях, как замечает К. Буссов в своей «Хронике», народ говорит голосом Господа<sup>11</sup> и, как было сказано в проекте конституционной реформы Н. Панина 1783 г., «судит правосудие» монарха.

---

<sup>11</sup> Буссов К. Московская хроника. 1584–1613 гг. М.; Л., 1961.

## Крестьянин как идеальный гражданин: истоки и контекст аграрного мифа в России и Европе Нового времени

Игорь Христофоров

На русском языке название моего доклада звучит не столь парадоксально, как на итальянском, где *cittadine* означает одновременно и «гражданин», и «горожанин». Конечно, в русском, как и в большинстве европейских языков, слово «гражданин» имеет греко-латинскую этимологию и, соответственно, общий корень со словом «горожанин». Однако в современном словоупотреблении эти слова представляют собой две совершенно различные лексические единицы с разной семантикой и коннотациями. Как показал П.В. Лукин, средневековому русскому языку было чуждо древнегреческое понимание гражданства как сообщества свободных, полноправных жителей государства (*πολίται*), независимо

от места их жительства – в городе или за его пределами<sup>1</sup>. Впрочем, вероятно, такое понимание было чуждо и западноевропейским феодальным монархиям, в которых город как территория динамики и «свобод» противопоставлялся селу – пространству неподвижности и зависимости.

В античной культуре идеализация сельского труда и сельской жизни глубоко коренилась в социальной структуре полиса и расцветала в эпохи кризиса традиционных полисных ценностей. Именно тогда независимый землепашец представлял как оплот этих ценностей, идеальный гражданин, чья приверженность традиции гарантировалась самим образом его жизни. В Афинах это была эпоха Аристофана и Платона, в Риме – Горация и Вергилия: «Георгики» можно считать классическим выражением античного «аграрного мифа». Новую жизнь и новый смысл эта идеология обрела в Европе в XVI–XVIII вв.<sup>2</sup>, а в Россию она, как и многое другое, пришла из Европы с некоторым запозданием, лишь в конце XVIII в. Цель моего сообщения – выделить основные черты этой общеевропейской идеологической парадигмы и очертить её специфику на российской почве.

В век рационализма и Просвещения образ сельского жителя существовал как бы в двух ипостасях: искушенного представителя цивилизованной элиты, ищущего в деревне утраченной безмятежной жизни, и простеца-крестьянина; причем патриархальность крестьян прямо противопоставлялась «цивилизации» и «гражданству». Достаточно ярко это проявилось уже у М. Монтеня, сближившего крестьян как носителей «естественного закона» с животными и даже растениями<sup>3</sup>. «Наименее недостойным представляется мне то сословие, которое по причине своей простоты занимает последнее место; больше того, его жизнь кажется мне наиболее упорядоченной: нравы и речи крестьян я, как правило, нахожу более отвечающими предписаниям истинной философии, чем нравы и речи наших присяжных философов», – утверждал Монтень. «Чтокается меня, – писал он в другом месте, – то я стараюсь, насколько это в моих силах, вернуться к первоначальному, естественному состоянию, которое совсем напрасно пытался покинуть»<sup>4</sup>. Обыгрывая миф об утраченном рае и идею цивилизации как грехопадения, французский философ был достаточно настойчив: пассажей, подобных процитированным, в его «Опытах» очень много.

Характерно, что одновременно с крестьянами объектом идеализации в это время часто становились типичные «не-граждане» – представители «нечивилизованного мира», например, американские индейцы<sup>5</sup>. Оппозиции варварство/цивилизация, чувство/разум, естественное/искусственное легко проектировались на сферу как поэтического, так и политического языка, порождая представление о деревне как о территории «особой» культуры, как о своеобразном «иномире» по отношению к городу. При этом в различных европейских странах «аграрный миф» имел свою специфику. Так, в Британии на фоне тюдоровских огораживаний и глубоких социальных трансформаций XVI–XVII вв.

<sup>1</sup> Лукин П.В. Древнерусские понятия «городжанин», «гражанин», «гражданин» (см. с. 140–146 настоящего номера журнала).

<sup>2</sup> McRae A. God Speed the Plough: The Representation of Agrarian England, 1500–1660. Cambridge, 1996; Wyngaard A.S. From Savage to Citizen: The Invention of the Peasant in the French Enlightenment. Newark, 2004.

<sup>3</sup> Horowitz M.C. Seeds of virtue and knowledge. Princeton, 1998. P. 213.

<sup>4</sup> Монтень М. Опыты. В 3 кн. Кн. 1–2. М., 1979. С. 590, 278.

<sup>5</sup> Доктрина «благородного дикаря» (*bon savage*) отнюдь не была изобретением Ж.-Ж. Руссо, появившись еще в XVI в. См.: Ellingson T. The Myth of the Noble Savage. Berkeley, 2001.

он лёг в основу всеобщей озабоченности сельским хозяйством, проявившейся, в частности, в разнообразных литературных и социальных утопиях. В XVIII в. он воспринимался прежде всего в контексте позитивной общественной роли «сельского джентльмена». Именно в это время благоустроенный сельский ландшафт и рационализированная агркультура стали неизменными атрибутами британского патриотизма. Таким образом, идеализация сельской жизни в этой стране оказалась связана со становлением новой элиты (*gentry*), а в конечном счёте – с технологическими инновациями, которые привели к аграрной революции<sup>6</sup>.

Во Франции периодом расцвета «агромании» стала вторая половина XVIII в. Именно в это время деревня, сельский быт и сельское хозяйство, в противоположность городу, роскоши и торговле, всё чаще воспринимались как сфера, благоприятствующая развитию гражданских добродетелей. Позитивной фигурой в этом контексте выступил трудолюбивый и бережливый сельский хозяин, причем в этой роли мог оказаться и дворянин, и представитель третьего сословия<sup>7</sup>. Совершенно по-новому французское образованное общество стало воспринимать и крестьянина. По словам историка Э. Уайнгард, «в то время как в XVII веке крестьянин чаще изображался как “другой”, которого принято было осмеивать или избегать, в XVIII-м он стал объектом подражания, восхищения и зависти образованной публики»<sup>8</sup>. В основе этого, по терминологии Уайнгард, «изобретения крестьянина как гражданина» лежали глубокие перемены в представлениях французов о социальной иерархии, «переход от аристократических социальных образцов к объединяющим идеологиям общности, равенства и гражданских добродетелей». Однако лишь к концу XVIII в. идеализированный землепашец стал обретать реалистичные социальные черты. В результате накануне революции общество «открыло», что крестьяне по большей части бедны и невежественны (действительно ли это «открытие» сделало проблемы реальных крестьян ближе для образованной элиты – отдельный вопрос). В свою очередь, в Германии конца XVIII – начала XIX в. крестьянин становится олицетворением германской нации и одновременно представителем одного из исторических социальных сословий, устоем консервативных традиций и порядка<sup>9</sup>.

Хронологические и культурные различия в XVIII в. во многом сглаживались благодаря существованию общеевропейского культурного пространства – интеллектуальной «большой семьи», по формулировке итальянского просветителя М. Чезаротти (в конце века к ней начала приобщаться и Россия). Несомненно одно: XVIII в. ознаменовался настоящим «поворотом» к крестьянам, образ которых стал важным элементом просветительского идеиного комплекса. При этом пока в литературе и искусстве господствовала сентименталистская, а затем романтическая мода, правительенная политика в деревне определялась всё же несколько иными, рационалистическими приоритетами. И французские

<sup>6</sup> Low A. The Georgic Revolution. Princeton, 1985; McRae A. Op. cit.; Martin A.E. Paens to progress: Arthur Young's travel accounts in German translation // Cultural transfer through translation: the circulation of enlightened thought in Europe by means of translation / Ed. by S. Stockhorst. N.Y., 2010.

<sup>7</sup> Shovlin J. The Political Economy of Virtue: Luxury, Patriotism, and the Origins of the French Revolution. Ithaca; L., 2006. P. 51–56, 72–78, 82–92.

<sup>8</sup> Wyngaard A.P. Op. cit. P. 13.

<sup>9</sup> Gagliardo J.G. From Pariah to Patriot: The Changing Image of the German Peasant, 1770–1840. Lexington, 1969.

физиократы, и немецкие камералисты, и британские политики и агрономы были едины в мнении о необходимости радикального преобразования аграрной культуры, которая мыслилась как основа национальной экономики. Главными инструментами такого преобразования считались технические улучшения, уничтожение системы «открытых полей» и просвещение крестьян<sup>10</sup>.

В Россию «агарный миф» проник поначалу в сентименталистском варианте, тесно связанном с жанром сельской идиллии. Одним из типичных представителей этого литературного стиля был известный поэт В.В. Капнист, последовательно конструировавший в своем имении Обуховка подобие Сабинума (знаменитого имения Горация). «Скромный сельский труд» (у Капниста, разумеется, труд помещика, не крестьянина) по всем канонам жанра противопоставлялся суete городской жизни<sup>11</sup>. Вслед за Руссо своеобразный социально-эстетический идеал сентименталисты находили в идеализированной Швейцарии, не смущаясь тем, что реальная российская деревня на швейцарскую походила очень мало. Фундаментом сельской идиллии в России (как, впрочем, и во времена реальных, а не мифологизированных Вергилия и Горация) была несвобода, в данном случае – крепостное право, воплощавшееся в это время в своих наиболее жёстких формах.

Конечно, крепостничество кардинально противоречило просветительским доктринаам, в том числе и представлениям о единой «нацией граждан». Нельзя сказать, что российская образованная элита совершенно игнорировала это обстоятельство. Жёстко критиковали крепостную систему князья Д.А. Голицын и Я.П. Козельский, А.Я. Поленов и А.Н. Радищев (примечательно, что первый почти всю жизнь провёл во Франции и Голландии, а двое последних получили в Европе образование). В 1793 г., в разгар Французской революции, один из последователей Радищева, П.А. Словцов – молодой преподаватель семинарии и близкий знакомый М.М. Сперанского – произнёс в Тобольске (по случаю дня рождения императрицы!) публичную проповедь, в которой прямо сформулировал мысль о несоответствии крепостного права новому представлению о гражданстве. Он настаивал, что «общее счастье» (типичная просветительская цель «гражданского союза») недостижимо, «если не все граждане поставлены в одних и тех же законах; если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов или одни несчастия». «Правда, что спокойствие следует из повиновения, – добавлял Словцов, – но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина»<sup>12</sup>. В очень близких выражениях формулировал тяготы крепостного права и его опасность для общественного спокойствия А.Я. Поленов в своем известном сочинении о крестьянах, представленном на конкурс Вольного экономического общества в 1766 г.<sup>13</sup>

<sup>10</sup> The state and rural societies. Policy and education in Europe, 1750–2000 / Ed. by N. Vivier. Brepols, 2008. P. 11–34.

<sup>11</sup> Веселовский А.В. Капнист и Гораций (Эпизод из знакомства с классической литературой в конце XVIII – начале XIX вв.) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XV. Кн. 1. СПб., 1910; Шарф К. Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII в. М., 2012. С. 424–428.

<sup>12</sup> Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. 1952. С. 402. Вскоре после произнесения проповеди Словцов был арестован и сослан в Валаамский монастырь.

<sup>13</sup> Там же. Т. 2. С. 8–45. Сочинение Поленова было опубликовано лишь после отмены крепостного права.

Однако подавляющее большинство представителей дворянской элиты предпочитало воспринимать крестьян лишь как неотъемлемую принадлежность сентименталистского ландшафта. По меткому выражению современного исследователя, и в официальных документах того времени крестьяне присутствуют «в качестве своеобразного “природного ресурса”, такого же, как лес, пашня и луга»<sup>14</sup>. Это наблюдение целиком соответствует выводам филолога Т. Ньюолина, обнаружившего в текстах известного писателя и помещика-рационализатора А. Т. Болотова поразительный диссонанс между идеалистическими картинами сельского быта и жесткими, порой до садизма, картинами ведения хозяйства. При этом принятая им риторика описания помещичьего хозяйства, отмечает Ньюолин, создавала иллюзорное «впечатление, что вся работа в имениях практически делала сама себя», что подчёркивалось безличными глагольными формами («тут работали кое-что», «там уже разрабатывается более и более»)<sup>15</sup>. Неудивительно, что, как выяснилось во время Пугачёвского восстания, эта обманчивая идеализация скрывала глубокий страх дворянства перед «бессмысленным и беспощадным» крестьянским бунтом.

Вместе с тем жёстко противопоставлять «сентиментальных плантаторов» «гуманистам-просветителям» нет оснований. В основе мировоззрения и тех, и других, в сущности, лежал один и тот же идеологический комплекс. Крестьяне представлялись им отнюдь не согражданами (хотя бы и потенциальными), не обитателями единого социального пространства, а скорее частью внешнего, «дообщественного» мира, который подлежал рационалистическому упорядочению и/или сентименталистскому украшению. В этом контексте и следует оценивать заметное уже в XVIII в. реформистское стремление превратить крестьян в «rationальных хозяев» с помощью их воспитания и дисциплинирования. По формулировке того же Поленова, целью государственной власти должно быть «просветить народ учением, сохранить его здравие через приобучение к трудолюбию и через телесные упражнения, наставить при помощи здравого нравоучения». При этом хлебопашцам, полагал просветитель, следует запретить не только жить, но и бывать в городах (за исключением ярмарочных дней), поскольку они «очень портятся от городского своевольства и роскоши, привыкают к праздности и делают себя неспособными к понесению деревенских трудов»<sup>16</sup>. Да и промыслами они должны заниматься лишь в той мере, в какой это не препятствует их основному занятию. Таким образом, разделяя с сентименталистами представление о крестьянах как о людях особого сорта, Поленов был гораздо радикальнее в стремлении подвергнуть их масштабным «педагогическим» экспериментам.

Однако время правительенных опытов по «рационализации» крестьян наступило чуть позже, уже в XIX в. Так, по дополнительным правилам к известному закону 1803 г. о свободных хлебопашцах, созданному при участии М.М. Сперанского, помещик должен был предоставить каждому отпускаемому на волю крепостному отдельный участок земли, с выдачей подписанного уездным землемером плана<sup>17</sup>. Таким образом государство пыталось не столько

<sup>14</sup> Керимов А.Э. Докуда топор и соха ходили. Очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX вв. М., 2007. С. 218.

<sup>15</sup> Newlin T. Rural ruses: illusion and anxiety on the Russian estate, 1775–1815 // Slavic review. 1998. Vol. 57(2). P. 306.

<sup>16</sup> Избранные произведения русских мыслителей... Т. 2. С. 16, 23, 25.

<sup>17</sup> См.: ПСЗ-І. Т. 27. № 20625. Ч. 2. Ст. 5.

«освободить» крестьян, сколько создать из них рационализированных фермеров по британскому образцу. Примечательно, что и в Германии примерно в это время доктрина воспитания образцовых крестьян сменилась концепцией их «самовоспитания» посредством облагораживающего владения собственностью<sup>18</sup>.

На начало XIX в. пришёлся в России и пик моды на британские методы ведения хозяйства. Крупные помещики-англоманы выписывали из Альбиона не только семена и сельскохозяйственные орудия, но порой и самих фермеров<sup>19</sup> (в хозяйственном отношении почти все эти эксперименты оказались провальными). И здесь наша страна шла в фарватере общеевропейских тенденций. Во Франции и Германии во второй половине XVIII в. англомания уже владела умами. На континенте в это время были опубликованы в переводе десятки сочинений британских агрономов, самый известный из которых – А. Юнг – обрел популярность, сопоставимую со славой многих писателей и философов<sup>20</sup>.

Позаимствовав из Франции представление о единой «нации граждан» (которое, правда, оставалось мало приложимым к отечественной действительности), а из Британии – «фермерский» идеал, русские нашли преимущественно в Германии идею о том, что именно крестьяне являются опорой порядка и олицетворяют собой если не гражданскую, то культурно-историческую «нацию», глубоко укорененную в религиозных и прочих традициях. Уже в период наполеоновских войн крестьяне противопоставлялись в этом качестве европеизированной космополитической элите (разумеется, самими представителями той же элиты). Еще раньше подобный взгляд был сформулирован в Германии, в частности, консервативными романтиками А. Мюллером, Э.М. Арндтом и др.<sup>21</sup> Вот как формулирует его историк Дж. Галиардо, сравнивая точку зрения Арндта с позицией знаменитого прусского реформатора-рационалиста барона Генриха фон Штейна: «Отстаивая взгляд, что крестьянин является важнейшим столпом германской нации, Арндт... предлагал учить всю нацию крестьянским моральным принципам. Штейн считал, что крестьянину ещё только предстоит обрести достаточную зрелость для участия в политической жизни Арндт; на-против, видел в крестьянстве едва ли не единственный общественный класс с безупречной нравственностью, которую можно легко превратить в политическую мудрость»<sup>22</sup>.

Важно, впрочем, подчеркнуть, что в Германии того времени призывы увидеть в крестьянах идеальных граждан совсем не были риторическими: в 1807 г. в Пруссии правительство отменило крепостное право (в прочих германских государствах это сделал Наполеон). В Российской же империи этой реформы пришлось ждать еще полвека. Неудивительно, что именно эта сторона взглядов германских романтиков русскими не была усвоена. Все русские проекты отмены крепостного права первой четверти XIX в. опирались не на романти-

<sup>18</sup> Gagliardo J.G. Op. cit. P. 115–116.

<sup>19</sup> См.: Святловский В.В. История экономических идей в России. С. 99–107; Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России: Центрально-нечерноземные губернии. М., 2002.

<sup>20</sup> Bourde A.-J. The influence of England on the French agronomes, 1750–1789. Cambridge, 1953; Martin A.E. Op. cit.

<sup>21</sup> О контактах Арндта с русскими традиционалистами, в частности, с А.С. Шишковым см.: Земскова Е.В. Русский патриотизм в немецком переводе: А.С. Шишков в воспоминаниях Э.М. Арндта // Русская антропологическая школа. Труды. М., 2004. С. 89–98.

<sup>22</sup> Gagliardo J.G. Op. cit. P. 210.

ческую германскую, а скорее на рационалистическую французскую модель нации и резко критиковались консерваторами за оторванность от русских традиций.

В литературных произведениях сентименталистской школы (Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского), как и на картинах знаменитого русского художника А.Г. Венецианова<sup>23</sup>, сделавшего в 1820-х гг. тему деревенской идиллии своим «товарным знаком», крестьяне по-прежнему изображались предельно обобщенно и статично, как часть природного ландшафта. Характерно при этом, что венециановская идиллия воспринималась современниками как адекватное отражение реальности. По словам известного издателя и критика П.П. Свиньина, «наконец мы дождались художника, который прекрасный талант свой обратил на изображение одного отечественного, на представление предметов, его окружающих, близких его сердцу и нашему... Картины, написанные г. Венециановым... пленяют своею правдою»<sup>24</sup>.

Положение кардинально изменилось лишь в 1840–1850-х гг., в период оформления программы крестьянских реформ. Именно тогда в среде русских славянофилов под воздействием и в диалоге с немецкими учёными и общественными деятелями А. фон Гакстаузеном, В. Рилем и другими оформилось представление о крестьянах как о залоге и символе русского *Sonderweg* («особого пути»), ставшее типичным элементом не только славянофильской, но и многочисленных консервативных и народнических доктрин. Правда, представления Гакстаузена о патриархальных крестьянах как стихийных монархистах и об общине как «матрице» русского общества целиком находились в рамках прежней романтической доктрины<sup>25</sup>. Однако Риль был уже провозвестником нового, «научного» понимания «крестьянского вопроса». При этом можно согласиться с немецким историком Д. Бауманном, считавшим его одним из столпов «агарного романтизма», неразрывно связанного с «урбанифобией»<sup>26</sup>. Суть основанной Рилем «науки» народоведения (*Volksunde*) заключалась в этнографическом описании обычаяев и повседневности «простого народа» (т.е. преимущественно именно крестьян) различных немецких земель. Нет необходимости говорить, что народоведение оказалось неразрывно связано со становлением немецкого национализма. Дескриптивный метод, который лёг в основу германской этнографии, предполагал, что крестьянская культура опирается на «народный дух» (*Volksgeist*) – абсолютное и вневременное, но при этом национально детерминированное начало<sup>27</sup>. Именно немецкая, романтическая традиция народоведения позже легла в основу русской этнографии, развивавшейся преимущественно в народническом духе и до сих пор во многом неразрывно связанной с идеологией народничества.

<sup>23</sup> Классические образцы: «На пашне. Весна» (первая половина 1820-х гг., Государственная Третьяковская галерея) и «Жнецы» (вторая половина 1820-х гг., Государственный Русский музей).

<sup>24</sup> Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи. Письма. Современники о художнике. Л., 1980. С. 273.

<sup>25</sup> Starr S.F. Introduction // *Haxtgauen A. Studies of the Interior of Russia* / Ed. by S.F. Starr. Chicago; L., 1972; Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 86–92.

<sup>26</sup> Baumann D. Agrarromantik und Grossstadtfeindschaft. Meisenheim am Glam, 1970.

<sup>27</sup> Smith W.D. Politics and the Sciences of Culture in Germany, 1840–1920. Oxford, 1991; *Volksgeist* as method and ethic: essays on Boasian ethnography and the German anthropological tradition / Ed. by G.W. Stocking Jr. Madison, 1996.

На рубеже 1850–1860-х гг. Риль был в России необычайно популярен. Его трудом интересовались и западнический «Русский вестник», и Н.Г. Чернышевский, и славянофилы<sup>28</sup>. Один из лидеров славянофильства и одновременно основной автор крестьянской реформы 1861 г. Ю.Ф. Самарин называл Риля «западным славянофилом» (наряду с известными европейскими консерваторами А. де Токвилем, Ш. де Монталамбером и Л. Штайном). При этом главное отличие европейских консерваторов от славянофилов Самарин видел в том, что те «обращаются к аристократии». «Напротив, мы, – продолжал он, – обращаемся к простому народу... В России *единственный приют торизма – черная изба крестьянина*<sup>29</sup>. Важнейшим следствием этого тезиса было принципиальное неприятие Самариным политической реформы («конституции»), которая, как он считал, абсолютно не нужна крестьянам, зато непременно будет использована в своих интересах оторванной от корней элитой.

Тем самым «аграрный миф» обретал в учении славянофилов свою логическую завершенность. Крестьяне объявлялись не просто полноправной частью нации, а её привилегированной (конечно, в духовном, а не юридическом смысле) частью. Идеал «единой нации граждан» вновь оказывался недостижим (в противоположном прежнему смысле). На мой взгляд, этот идеологический поворот сыграл в истории Российской империи большую и до сих пор не вполне оценённую роль.

<sup>28</sup> См.: *Thiergen P. Wilhelm Heinrich Riehl in Rußland (1856–1886). Studien zur Russischen Publizistik und Geistesgeschichte der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts*. Gießen, 1978.

<sup>29</sup> Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. СПб., 1882. С. 401–402. Выделено Самариным.

---

## Иностранные предприниматели и их гражданский статус в Российской империи

Ирина Поткина

Деятельность иностранных купцов и промышленников в России получила развитие ещё в XVI–XVII вв. Однако значимой для экономики страны она стала в XVIII в. Серьезный вклад в изучение этого вопроса внесли современные отечественные исследователи, которые ввели в научный оборот достаточно представительный массив источников<sup>1</sup>. Одновременно с усилением экономической значимости для России иностранного предпринимательства начинает постепенно оформляться правовой статус представителей зарубежного бизнеса, характерной чертой которого в течение длительного времени являлось сословное начало. В первой половине XVIII в. появились законы, регулировавшие порядок въезда и гражданский статус приезжих купцов. Формирование российского права подданства и связанного с въездом в страну права на

© 2014 г. И.В. Поткина

<sup>1</sup> См., например: Дёмкин А.В. Британское купечество в России XVIII в. М., 1998; он же. Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века. М., 1982; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005.